

Сильно разочарованный, Цао Е вернулся в комнату. Лян Сычжэ, стоя на коленях, рылся в чемодане.

— На какой кровати будешь спать? — спросил он, увидев в дверях Цао Е.

— Всё равно, — уронил Цао Е.

— И мне всё равно, — Лян Сычжэ с полотенцем и сменной одеждой направился в ванную. — Выбирай, я в душ.

В Пекине было градусов на десять теплее, чем в Яньчэне. Кондиционер в номере не работал, а включался почему-то не здесь, а где-то внизу. Лян Сычжэ взмок от духоты и хотел переодеться, но не мог этого сделать, не приняв душ, — мать привила ему привычку каждый раз купаться, прежде чем надевать чистое. В ванной зажурчала вода. Цао Е упал на кровать у окна и несколько минут лежал на ней как мертвец. Потом достал телефон и принялся листать записную книжку, обзванивая своих друзей в алфавитном порядке, начиная с верхнего имени в записной книжке.

— Привет, сяо Бай, это Цао Е. Где ты сейчас? Разве твой отец не нашёл тебе молодую мачеху, которая ест тебе мозг? А? Дядя Бай, простите, я просто шутил... А сяо Бай чего к телефону не подошёл? Наказан? Групповая драка на прошлой неделе? Я ничего об этом не знаю. Да меня тогда и в стране-то не было!

Прослушав гневную лекцию дядюшки Бая, Цао Е стал мрачнее тучи и набрал следующий контакт:

— Привет, Минъяо, ты где? Где-где? На Килиманджаро? И что ты там делаешь? Рисуешь? Ты когда успел уехать в Африку?.. Ладно, иди рисуй, не буду мешать. У меня всё равно тут ничего серьёзного. Ага, пока.

— Привет, Дай-гэ, ты дома? Ты чего так пыхтишь? Чёрт, зачем тогда трубку брал?! Пока.

К тому времени, как свеженький Лян Сычжэ вышел из ванной, Цао Е уже дошёл до буквы «Л». Он болтал с Линь Янем, по-прежнему валяясь дохлой рыбой, пока друг не сообщил ему нечто, отчего он резко сел на кровати:

— Где это? Я тоже пойду! Парни не для меня, мне всё равно некуда пойти... Обсудим, когда встретимся. Кстати, у меня нет ни копейки, оплати мне такси.

Цао Е радостно спрыгнул с кровати, словно это не он тонул в чёрной меланхолии, когда Лян Сычжэ ушёл в ванную.

— Хорошо. Жди! — крикнул он в трубку и выскочил за порог.

Лян Сычжэ, голый по пояс, присел у чемодана в поисках чистой футболки. Ту, что взял с собой в душ, он случайно залил водой — ванная была тесная и неудобная. Отыскав ещё одну белую футболку, он встал, но не успел её надеть. Дверь в комнату распахнулась, на него со спины напрыгнул внезапно полюбивший весь мир и утративший понятие личных границ Цао Е. Он обхватил Лян Сычжэ за плечи и горячо прошептал ему на ухо:

— Брат, если придёт дядя Янь или мой отец, прикрой меня, хорошо?

Лян Сычжэ, не поворачивая головы, сказал:

— Я мокрый.

Перед тем как выйти из ванной, он вытерся небрежно и ещё не полностью обсох. Цао Е отстранился и увидел мокрые пятна на своей футболке: сторона, вплотную прилегавшая к телу Лян Сычжэ, была слегка влажной. Он не стал уклоняться, продолжая липнуть к Лян Сычжэ.

— Да всё в порядке. Сможешь прикрыть меня, гэ?

Он и вправду называл Лян Сычжэ «гэ» — послушным он притворялся отлично, добавляя в голос просительные нотки. Лян Сычжэ наконец удостоил его взглядом.

— Как мне это сделать?

Шестерёнки в голове Цао Е быстро закрутились, просчитывая варианты...

— Если взрослые нагрянут, просто придумай какую-нибудь отговорку, чтобы отвести подозрения. Скажи, что я... пошёл кормить местных бездомных собак. Кормить кошек тоже подойдёт. А потом звякни мне — и я тут же вернусь на такси. Согласен?

Лян Сычжэ ещё раз смерил взглядом слишком дружелюбного Цао Е и буркнул:

— Хорошо.

— Спасибо, — Цао Е достал из заднего кармана мобильный телефон, открыл записную книжку и протянул телефон Лян Сычжэ:

— Вбей свой номер.

Лян Сычжэ набрал номер и своё имя и вернул телефон Цао Е. Тот наконец отпустил Лян Сычжэ, набирая номер и одновременно мурлыча под нос его имя. Лежащий на столе телефон Лян Сычжэ зажужжал, и на лице Цао Е расцвела широкая сияющая улыбка.

— Это я тебе звонил. Сохрани мой номер.

Лян Сычжэ кивнул. Он продел голову в горловину футболки, просунул руки в рукава, собираясь надеть её, и тут Цао Е похлопал его по плечу:

— У тебя хорошее телосложение, — сказал он и направился на выход. Сохраняя образ пай-

мальчика, он дошёл до двери, обернулся к Лян Сычжэ и мило сказал:

— Я уже ухожу. Спасибо тебе, Сычжэ-гэ.

Надев футболку, Лян Сычжэ принялся распаковывать свой багаж. Поскольку Цао Е только что занял кровать у окна, он, естественно, выбрал другую.хлопот с вещами было не так уж и много — просунув две руки под сложенные вещи, он поднял стопку летней одежды и, ничего не меняя, переложил её в шкаф.

Снизу донеслась музыка — вступление к популярной песне, которая звучала везде и всюду, на центральных улицах и в подворотнях. Пол под ногами завибрировал в такт музыке. К плохой акустике прибавился рыдающий голос. Певец не попадал в ноты, но вкладывал душу и пел пронзительно — отвратительная звукоизоляция позволяла расслышать каждое слово.

Если это на всю ночь, как спать? Достав из чемодана наушники-вкладыши, Лян Сычжэ бросил их на кровать, закрыл чемодан и поставил его в угол. Взяв ключи, лежавшие на столе, он открыл дверь и вышел из номера.

Коридор третьего этажа выглядел точно таким же, каким они его оставили: тусклый свет и два ряда потёртых дверей, хмуро глядящих друг друга. Было непонятно, есть ли жильцы в других комнатах, — двери были плотно закрыты. Второй этаж был залит холодным белым светом. Он был слишком ярким и словно приплясывал, мерцая в такт музыке и заставляя лосниться лица и волосы посетителей. На узкой — еле-еле двоим разойтись — деревянной лестнице Лян Сычжэ наткнулся на парочку. Грузный мужик зажимал хрупкую женщину, которая угодливо ему улыбалась. Лян Сычжэ с трудом протиснулся мимо них.

Выбравшись наконец из заведения, Лян Сычжэ полной грудью вдохнул ночной воздух. Несмотря на позднее время, в переулке было шумно и людно, словно темнота влила энергию в эти закоулки. Даже запахи стали яркими и разнообразными: растительное масло, жареное мясо, соевые соус, жареный рис... Лян Сычжэ, привлечённый ароматами, медленно пошёл прочь от «Лазурной вечеринки», ориентируясь на шипение жаровни. Он понял, что по-настоящему голоден. Глядя в сумерках на заляпанные маслом витрины, он и подумать не мог, что местная еда вызовет у него аппетит. Однако теперь из каждой лавочки его манили к себе запахи еды.

Было довольно жарко, поэтому, найдя заведение со свободными местами и устроившись на

бамбуковом стуле, он заказал миску холодной лапши, добавив к заказу вареное яйцо и половину порции говядины со специями. Еду принесли очень быстро, и она казалась ему довольно вкусной — во всяком случае лучше, чем вчерашний суп, которым он поливал гопников.

Только теперь осознав, что сейчас находится в Пекине, Лян Сычжэ вспомнил вчерашний разговор с Цао Сююанем, сегодняшнюю встречу с его сыном — и наконец в полной мере ощутил невероятность происходящего. «Ну и ладно. Пусть это будет новым началом», — подумал Лян Сычжэ, опустил голову и принялся за лапшу.

Можно заниматься ещё чем угодно кроме игры на скрипке. Цао Сююань был прав: для актёра умение владеть этим навыком совсем не обязательно. Постепенно переместив лапшу из фарфоровой миски в желудок и запив съеденное бульоном, Лян Сычжэ почувствовал, что сыт. Его отпустило онемение, где-то внутри, которого раньше он даже не замечал.

Расплатившись, он прогулялся по переулку до угла. Там, ближе к главной дороге, находился бар «Меридиан» — тонкие полоски лампочек в темноте выводили название бара кобальтовым светом. Этот изысканный приглушённый цвет полностью отличался от кричащей вульгарности «Лазурной вечеринки». Здесь царил тихая, ламповая атмосфера, казалось, совершенно несовместимая с шумом и толкотнёй всего переулочка.

Музыка, доносившаяся изнутри, тоже была невероятно красивой. Вокалист исполнял песню Цуй Цзяня «Кусок красной ткани». Его хриплый голос звучал очень притягательно: исполнитель отлично владел эмоциями, умело добираясь до сердца. Лян Сычжэ некоторое время слушал и незаметно для себя начал вполголоса подпевать:

— Это чувство делает меня по-настоящему счастливым.

Оно заставило меня забыть, что у меня нет дома

Ты спрашиваешь, куда я направляюсь

Я говорю, что пойду твоей дорогой.

<http://bllate.org/book/12811/1130219>